

Нелёгкая занесла меня в Германию в самом начале 94-го. В Ленинграде, как он тогда ещё массово по старинке назывался, я числился в налоговой мелким предпринимателем, с каким-то туманным консалтингом в области бизнеса. И клиенты мне попадались всё больше мелкие – какие-то неуравновешенные и странноватые шведы, финны, германцы, пробующие на свой страх и риск по-быстрому обогатиться в России. То мы с моими немногочисленными и часто сменявшимися сотрудниками составляли за немалые по российским меркам деньги отчёт по реставраторам старинной мебели – а таких было в Петербурге и пригородах немало, – то вдруг переключались на здравоохранение: немецкому врачу из Аугсбурга, непонятно кого представлявшему, было крайне важно знать, как у нас в России лечат то и это, нельзя ли на месте совершить прорыв в отношении немецких лекарств – и опять-таки обогатиться.

К переезду тогда я отнёсся довольно легко, мою жизнь в Питере можно было назвать малоупрядоченной, даже нервной, в Германии я полагал передохнуть от наскоков налоговой и бандитов, осмотреться и вскоре вернуться обратно – торгпредом какой-нибудь местной немецкой фирмы.

Возможно, так бы оно и случилось, если бы не слабый, совсем школьный немецкий и, что самое главное, – не уничижительный прогноз моих бывших немецких партнёров по бизнесу, в гости к которым я заявился, направо-налево делясь своими розовыми надеждами. «У нас всё дорого, – с порога заявили они. – Ты здесь как местный житель никому не нужен, тебя надо кормить, а толку с тебя на первых порах будет...» – «С гилькин нос?» – с готовностью предположил я. «Вот именно... – согласились они. – Как с воробья».

Мне повезло: я получил полугодовой языковой курс, там сами собой завязались знакомства, в том числе с преподавателями-немцами. Возникли приятельства и в разных автомастерских, где я постоянно подхалтуривал – в общем, через год новая реальность стала почти привычной, и я не слишком удивился, получив однажды письмо из социального ведомства, в котором мне предлагали на год место «помощника по интеграции» в общаге для переселенцев.

Тут-то и открылись мои глаза...

Раз в две недели нас собирали в амте (управе) на совещание. Звучали лозунги об интеграции, народ, такие же «помощники» – арабы, турки, цыгане, албанцы-косовары – делились на публику своими локальными проблемами... а наши шефы смотрели на всё это мудро, без позы, доброжелательно-вовлечённо, поощряя инициативу, мягко корректируя выскочек и хард-лайнеров и... как бы немножко скучая.

«Вот так тут оно и происходит, – подумал я тогда, послушав где-то в курилке обрывки разговоров штатных сотрудников этого учреждения, настоящих, местных, так сказать густопсовых немцев. – Христианские демократы у власти решили “пускать и интегрировать” – и учрежденческие шестёрки пускают и интегрируют. Прикажут не пускать и гнобить – будут делать и это».

Нельзя сказать, что это какая-то специфическая черта именно немецких государственных служащих. Наверное, так оно происходит везде. Кому охота потерять сладкое непьющее место из-за

дурацкой внутренней фронды? Да и не видел я здесь у местных никакой фронды – ни разу и никогда, за все эти двадцать пять лет, что здесь проживаю. Видел другое – лицемерие, маску, нежелание думать самостоятельно. Вот это да, это есть – всюду, везде, в огромных количествах.

Воздержусь от примеров – их сотни, и места для них здесь нету. Кстати, словечко это по-немецки звучит как *verstellt* – «подстроенный», «подделанный»: подстроенные (под ситуацию, под собеседника) голос, поза, подстроенный, поддельный (лживый – по-нашему) текст речи или сообщения в прессе.

Правда здесь действительно не в почёте, она выставлена за рамки социального поведения. «Налить чистого вина» – значит сказать, наконец, кому-то правду в глаза. На это – решаются, это – взвешивают. Это – глупо и может иметь «последствия». Гораздо удобнее «подстроиться» и тянуть дальше свою лживую линию, оставаясь для визави и «приятным», и «компетентным», и «дружелюбным» – всё сплошь лживые по сути эпитеты...

Раз уж речь зашла о компетентности... – это понятие здесь тоже как-то искажено. «Компетентный» – значит говорящий правильные слова в правильном месте, удобный в команде таких же «дружелюбных» разработчиков какого-нибудь проекта ресоциализации беженцев из Сирии – всё как на подбор молодых, здоровых и нагловатых мужчин с дорогими телефонами от «Эйпла» и с блестящими цацками на шее и пальцах. Какой-нибудь сумасшедший назвал бы их, возможно, дезертирами... – но только не в Германии. Здесь они – «травмированные» и нуждаются в постоянной опеке и защите, многие добровольцы-немцы из социально-зелёной части общества с горячностью берут сирийцев жить к себе в дом. Причём в данном случае горячность совершенно искренна – за это непоказное гостеприимство местным если и полагаются некоторые льготы, то они крайне незначительны, несравнимы с дискомфортом от постоянного нахождения в доме (и это на многие месяцы) постороннего крепкого, пахнущего тестостероном мужчины чужой культуры, с непонятными, недоступными мыслями в голове.

Конечно же, постепенно ко многому привыкаешь. Научить нас, бывших российских жителей, подличать перед начальством и коллегами по работе, наверное, невозможно, а ссориться и скандалить здесь действительно не принято – вот и помалкиваем себе, ограничиваясь в случае очевидного конфликта интересов незначительными и не относящимися к делу замечаниями: о местной футбольной команде, о погоде. Лучше слыть странноватым (это с недавних пор даже отчасти приветствуется, как, например, и нестандартные сексуальные предпочтения), чем «принципиальным». Что толку в принципиальности? – одна глупость. Через четыре года к власти в Берлине придут «зелёные» (или синие, фиолетовые...) – и концепция поменяется.

Если коротко: «принципиальных» здесь увольняют. Конечно, не напрямую за принципиальность – но повод для увольнения непременно найдётся.

Всё это – затянувшееся предисловие к теме СВО. Без него, однако, не знающему Германии человеку не будет понятно многое в реакции германских властей и разных слоёв общества на несколько их, на первый взгляд, не касающийся конфликт двух славянских народов.

Я никогда раньше не видел здесь на полках книготорга переводов украинских авторов. Нельзя же считать украинскими «Мастера и Маргариту», переведённых без купюр, с удивительно вымученной и затянутой главой о валютчиках и сдаче валюты, за которую просто стыдно перед немецкими приятелями. Но это, скорее, раритет из времён Горбачёва и слияния Германий. А вот Петрушевская с её зачастую диковатыми историями или «Москва-Петушки» печатались на немецком весьма заметными, чуть ли не массовыми тиражами.

Похоже, с одной стороны, что русскую и украинскую литературу здесь, в общем, не различают, с другой – что кто-то сознательно создаёт и укрепляет образ русских как племени «мрачного и бесноватого», по выражению Д. Фаулза (автор в «Маге», однако, имел в виду своих, т.е. англичан). Действительно, нужно быть очень лирически настроенным человеком, чтобы заметить – да ещё в переводе – лирическое у В. Ерофеева: как-то раз я с карандашом в руках попытался выделить его в «Петушках» – получилось неважно: аллюзий и стейтментов набралось в тексте множество – а вот лирика, если и находилась, здорово отдавала психдиспансером.

Нет-нет – всё это вода на ту же мельницу: русские – опасные пьяницы, они все в валенках и ушанках, за водкой ездят верхом на медведях, не моются. И очевидно, поэтому гибнут дельфины в Чёрном море («из-за войны», как утверждает местная пресса), и в трети столь любимых немцами колбасок для гриля обнаруживаются минеральные масла и прочие бесполезные вещества, а в колбасе из куря-

тины находят перемолотые кости и внутренности всех сортов, включая чуть ли не желчный пузырь. Виноваты в этом... ну понятно кто. «Русские идут...» – эта формула из 1944–45 гг. многое объясняет местному бюргеру и поныне.

Особенно же редкостной безвкусицей и пошлятиной становятся газетные тексты, когда немцы принимаются учить кого-либо, как следует вести войну. И это при том, что каждый десятый «коллега» по моим былым здешним фабрично-заводским работам хвалился (хвалился!!!), что его дед до сих пор бодр и крепок, поскольку служил в «ваффен-СС». Тевтонский дух, Вальгалла, Один (он же Вотан), победа Арминиуса над римлянами – и всё прочее в том же духе.

В Германии мне, можно сказать, ещё раз (после давнишних языковых курсов) повезло: среди моих близких здешних знакомых есть коренной киевлянин, родившийся в конце тридцатых, до войны, и захвативший босоногим пацаном всю двухгодичную оккупацию Киева вплоть до ноября 1943-го. Не буду сейчас приводить детали – не о них речь, да и ментальность командиров вермахта после неудавшегося блиц-крига, безусловно, отличалась от таковой у нынешних германских правителей: времена изменились, кругом здесь царят плюрализм, почти американская diversity и прочие достижения рыночной демократии.

Уместно было бы также припомнить некоторые эпизоды из «Белой гвардии» – Булгаков тоже киевлянин, в 1918-м – врач-венеролог со своей практикой, а затем и прямой участник описываемых в романе событий. В Киеве немцы – если не оккупанты, то всё же весомая сила в общей картине военных противостояний Гражданской войны.

Немцы на самых разных уровнях сентиментальны, Киев для них в историческом плане, полагаю, нечто значительно более важное, чем Сталинград или Смоленск. А вот Москва... – там для них однозначно чужие. Водка «Московская» упорно произносится здесь с ударением на последнюю «а», да и нету её уже несколько месяцев, этой водки, хоть обыщись. Что же до многосотлетней истории отношений (и трений) русских и украинцев – о них в Германии, похоже, не знает никто. Во всяком случае, тандемы «Испания – баски» или «Франция – Гасконь» хотя бы иногда мелькают в прессе, пусть и больше в негативном ключе, по схеме «вот у слабых членов Евросоюза проблемы с сепаратистами, а у нас, дескать, всё всегда хорошо, зэр гут», – но если пройтись по пешеходке и спросить у местных граждан, кто построил Одессу, то из тысячи опрошенных на вопрос, наверное, не ответит действительно никто. Скорее всего, будет даже вызвана полиция – дескать, приезжайте скорее, тут некто подозрительный сеет рознь. А затем, после расслабляющего часа без питья и туалета на скамейке в предбаннике полицейского управления (бронированные стёкла, коробочки на стенах наподобие домофонов, шныряющие туда и сюда через турникеты вооружённые люди с лицами без выражения и пр.), состоится долгий, потный разговор с каким-нибудь «комиссаром», мрачно и монотонно разъясняющим, что сеять рознь нельзя и что кто сеет рознь – может совершить и другие противоправные действия, и что вот здесь в протоколе следует расписаться. И ещё здесь. И здесь...

К чему, собственно, всё это пёстрое импрессионистское полотно немецкой жизни?

Можно обобщить эти заметки коротко: на всех уровнях жизни немецкого социума говорить правду считается неумным. Это не принято. Отправка Киеву старинных гаубиц или массовые, небывалые льготы для украинских беженцев – не более чем удобная по разным причинам и соответствующая политическому моменту маска, личина либерализма, ширма, за которой втихаря, «по-умному», продолжают выгодные промышленно-финансовой элите и правящей на данный момент партии гешефты: с талибами ли в Афганистане, с Саудовской ли Аравией, с Турцией ли, с далёким Чили, или... с той же самой Россией.

Можно быть абсолютно уверенным, что никакие немцы нам – и украинцам, и русским – в этом конфликте не помогут.

Разруливать отношения придётся самим.

Хорошо бы понять это поскорее...